

Небольшая статья Дз. Вискна «Быт и традиции латышей в Советском Союзе в 20—30-е гг. XX в.» затрагивает вопрос, ранее совершенно не освещавшийся в литературе.

В статье приводятся малоизвестные данные о численности латышей в СССР в те годы, их социально-профессиональном составе; сообщается о большой и плодотворной работе местных органов Коммунистической партии и Советского правительства в области просвещения и культурно-бытового обслуживания латышского населения; характеризуется активное участие латышей — рабочих, колхозников, интеллигенции — в развитии экономики и культуры Советской страны в период построения социализма; рассказывается о преобразовании быта латышей в условиях расселения в инонациональной среде, а также отмечается сохранение в их быту некоторых прежних традиций.

Дз. Вискна правильно подчеркивает, что в развитии латышской советской культуры большое значение имел этот начальный период 1920—1930 гг., когда примерно одна десятая часть латышского народа жила и трудилась в братской семье советских народов. Нельзя не согласиться с автором, что вопрос о жизни, труде и быте латышей в Советском Союзе в те десятилетия, когда в Латвии господствовал буржуазный строй, заслуживает дальнейшего всестороннего исследования и освещения в печати.

Л. Думпе в статье «Некоторые вопросы взаимовлияния духовной культуры латышей и русских в период социализма и строительства коммунизма» использовала материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г., некоторые данные ЦСУ ЛатвССР и Министерства культуры ЛатвССР, периодическую печать за 1940—1965 гг., а также данные анкетного опроса по различным вопросам культуры, проведенного сектором философии Института истории АН ЛатвССР и редакциями республиканских газет. В начале статьи сообщается о современном национальном составе Латвийской республики в сопоставлении с данными о национальном составе 1935 г. Отмечая рост удельного веса инонационального населения в республике (преимущественно русских, автор указывает на все возрастающую роль русского языка как второго языка общения.

Далее автор рассматривает основные формы культурных связей латышей с другими братскими народами Советского Союза. Статья насыщена многими интересными цифровыми показателями, удачно сведенными в таблицы, и может служить ценным источником при исследовании этих вопросов. Например, приводятся данные о числе молодежи латышской национальности, обучающейся в вузах за пределами республики, о количестве переводной латышской и русской художественной литературы, вышедшей в Латвии за период 1951—1964 гг., и латышской художественной литературы и т. п.

Особое внимание Л. Думпе уделяет новым формам культурного общения, развившимся в условиях советского строя: декадам латышской литературы и искусства в Москве, неделям латышской литературы в РСФСР и русской в Латвийской ССР, фестивалям театров и кино, различным конкурсам, вечерам и встречам трудящихся Латвии с деятелями культуры и искусства братских республик и т. п.

В статье отмечается и все большее проникновение русской духовной культуры в жизнь латышского народа. Это заметно сказывается на репертуаре коллективов художественной самодеятельности, в частности на репертуаре традиционных праздников песни.

Подводя итоги всему сказанному, хотелось бы еще раз положительно оценить выход в свет данных сборников и выразить уверенность в том, что разработка затронутых в них проблем будет продолжена.

В. В. Седов, Л. Н. Терентьева

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ЭТНОГРАФИЯ»

ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ЗА 1959—1968 гг.

Журнал «Ethnographia» Венгерского этнографического общества является одним из старейших журналов по этнографии в Венгрии. В 1969 г. исполняется 80 лет со дня его основания. За этот долгий период по страницам журнала можно проследить весь путь развития венгерской этнографической науки и различных направлений в ней. Опубликованные в журнале статьи и заметки, посвященные этнографическому описанию венгерского народа, дают также читателю представление о трансформации всей жизни венгерского общества, прежде всего духовной и материальной культуры крестьян.

Журнал «Ethnographia» представляет несомненный интерес и для ученых других стран, так как на современной венгерской территории, расположенной в среднем течении Дуная, издавна селились самые различные народы, и сложная этническая исто-

рия венгерского народа отражает многие процессы взаимовлияний племен и народов, разных и по языку, и по хозяйственному укладу своей жизни, и по культуре.

В небольшой статье трудно дать обзор журнала за все 80 лет, поэтому мы ограничимся здесь лишь кратким обзором важнейших научных статей и материалов за последнее десятилетие, с 1959 по 1968 г., обращая внимание, в первую очередь, на те основные проблемы, которые разрабатывались в последние годы венгерскими этнографами и фольклористами и которые представляют интерес и для советского читателя.

Журнал выходит четыре раза в год. Материал в нем располагается по четырем отделам: статьи; краткие сообщения; этнографические известия, отчеты; рецензии и библиографические обзоры. К каждой статье прилагаются два коротких резюме на русском и немецком языках. Очень жаль, однако, что краткие сообщения и заметки, содержащие обычно оригинальный полевой и архивный материал, остаются недоступными для тех, кто не знает венгерского языка.

За последние годы все большее место в журнале отводится статьям теоретического и методологического характера. В них ставятся вопросы о предмете этнографической науки, о рамках ее исследования и спейфических методах изучения явлений, отличных от методов смежных дисциплин — социологии, истории, географии. В этом отношении интересна статья Ш. Дёмётёра «Основные вопросы этнографической исследовательской работы в Венгрии» (1961, стр. 86—97). Автор считает главной задачей этнографии изучение этнической специфики народа, описание традиционной народной культуры. Важной задачей венгерских этнографов, по его мнению, является четкая и подробная характеристика венгерской национальной культуры, которая поможет определить ее место среди культур других народов Восточной Европы. Определенные же самих понятий «народ», «нация» — задача философской науки, а не этнографии.

В какой-то мере ответом на эту работу явилась статья доцента кафедры этнографии Будапештского университета Т. Хоффмана «Понятие „народ“ в этнографии» (1962, стр. 1—22). Т. Хоффман подвергает в ней критике «этногенетический» этнографических исследований, считая данное направление разновидностью националистической исторической концепции. По мнению автора, предметом этнографического изучения являются культура и быт масс докапиталистических обществ в их историческом аспекте. И для правильной постановки проблем необходимо прежде всего точно уяснить, что такое «народ» вообще.

Определению предмета и задач этнографии посвящена также статья преподавателя кафедры этнографии Будапештского университета В. Фойгта «Проблемы методологии и терминологии в этнографической науке в Восточной Европе» (1965, стр. 482—500). Он ограничивает задачи этнографии изучением культуры, быта и сознания угнетенных классов в докапиталистической и капиталистической формациях, в то время как исследование современного (социалистического) общества является, по его убеждению, задачей социологии.

Е. Барабаш в статье «Этнографические исследования и письменные источники» (1961, стр. 135—145) высказывает мнение о том, что этнографы должны прежде всего опираться в своих исследованиях на «живой» материал, собранный во время экспедиций, на то, что нельзя найти в письменных источниках, которые могут служить для них лишь вспомогательным средством, главным образом для определения хронологии тех или иных явлений.

В статье В. Фойгта «Структурно-типологические методы исследования народного эпоса» (1964, стр. 36—46) подвергается критике структурализм в фольклористике. Вместо него автор предлагает использовать в фольклорных исследованиях историко-типологический метод.

Несомненная заслуга журнала — все большее внимание к вопросам современности. В последние годы на его страницах стало появляться много статей и материалов по современному быту и культуре венгерского народа. Так, описанию современного быта крестьянской молодежи посвящены статьи И. Руйца «Общественная жизнь крестьянской молодежи в долине р. Бодва (1880—1950)» (1965, стр. 572—601; 1966, стр. 93—114) и Д. Мольнара «О молодежи села Коныяр (Восточная Венгрия)» (1967, стр. 592—597). В них подробно описывается (по материалам, собранным авторами во время полевых исследований) одежда молодежи, повседневная жизнь, поведение, обычаи, семейные отношения.

Работа М. Борощи «Об укладе жизни и культуре бахчевников-испольщиков села Чань» (1959, стр. 579—621) знакомит читателей с прошлой и настоящей жизнью своеобразной группы венгерских крестьян — бахчевников-испольщиков, которые раньше временно, на сезон, переселялись из родного села на бахчи землевладельцев, а сейчас продолжают заниматься своей сезонной работой на бахчах сельскохозяйственных кооперативов.

Очень важным разделом работы венгерских этнографов, также нашедшим отражение на страницах журнала, является изучение культуры и быта венгерских рабочих и других социальных групп венгерского народа. Этнограф И. Катона уже почти четверть века занимается изучением этнографии венгерских рабочих-землекопов с целью всестороннего исследования культуры и быта этой группы рабочих. За рецензируемый период в журнале появились его статьи о фольклоре землекопов —

«Землекопы, сочиняющие и пишущие народные стихи» (1960, стр. 552—556), об их рабочих инструментах — «Тачка землекопа и работа с ней» (1962, стр. 512—530; 1963, стр. 13—36), «Двуколка землекопов и работа на ней» (1961, стр. 56—83).

А. Шельмеци-Ковач темой своих исследований избрал быт мельников в Северной Венгрии («Жизнь мельников в районе горы Матры в конце XIX в.», 1967, стр. 189—201).

Работа Э. Шольмоша рассказывает о быте венгерских рыбаков на Дунае (1959, стр. 407—430). В ней приводятся сведения об истории рыбацких объединений (цехов), о рыболовных снастях, о способах рыбной ловли и их зависимости от морфологии реки.

Однако, несмотря на некоторые удачные попытки изучения современной жизни всех социальных групп венгерского населения, основное внимание этнографов по-прежнему сосредоточено на исследовании традиционной исторической этнографии венгерского народа. Подавляющая часть рецензируемых работ содержит материалы (большей частью оригинальные, полевые) по всем разделам материальной и духовной культуры венгерских крестьян.

Мы рассмотрим эти статьи, сгруппировав их по традиционным разделам этнографической науки: земледелие, скотоводство, ремесла, пища, жилище, народный транспорт, духовная культура, фольклор.

Ряд статей рассматривает вопросы землевладения и землепользования в венгерской деревне в прошлом. К их числу относятся две статьи известного исследователя истории земледелия в Венгрии М. Беленшши «Применение однопольной системы и формирование двух- и трехполья в средневековой Венгрии» (1960, стр. 81—104) и «Распространение переложного хозяйства в Венгрии» (1964, стр. 321—349). Автор указывает на распространение трехпольной системы в Венгрии с XIII в., а также на то, что переложная система существовала в этой стране вплоть до XIX в. наряду с двух-трехпольным хозяйством. Это объясняется тем, что при переложной системе можно было получать высокие урожаи, не удобряя землю.

К этой тематике примыкают статьи, повествующие о формах коллективного народного труда в прошлом в венгерской деревне. В своей работе «Использование сельских земель в селе Нирадонь после освобождения крепостных» (1965, стр. 435—445) Т. Беллона рассказывает о координации работ советом сельских землевладельцев в селе Нирадонь (Северо-Восточная Венгрия) во второй половине XIX в. О некоторых формах коллективного труда в области Сабольч-Сатмар при сельскохозяйственных работах пишет в своей заметке А. Яно. Он, в частности, подробно описывает коллективную обработку конопли женщинами. Сводной работой о различных формах коллективного труда является большая статья Л. Сабо «Исследование народных форм коллективного труда» (1967, стр. 219—237). В статье описаны все виды коллективных работ, бытовавшие в венгерской деревне после 1848 г.

Исторический характер носит работа Ш. Гимеши «Капитализм и крестьянское хозяйство в Венгрии» (1968, стр. 149—161), в которой рассматриваются вопросы о месте кустарных промыслов крестьян в капиталистическом хозяйстве и о положении сельского хозяйства Венгрии в период между двумя мировыми войнами.

В ряде статей венгерских авторов приводятся интересные материалы о способах обработки земли и о земледельческих орудиях. Здесь следует прежде всего отметить несколько статей одного из лучших исследователей сельскохозяйственных орудий венгерских крестьян А. Такача: «Посадочные палки в Венгрии» (1963, стр. 350—370) — об особой форме палок, применяемых для посадки кукурузы и картофеля; «Серпы для косыбы в Венгрии» (1967, стр. 1—21; 1963, стр. 474—491) — о различных типах серпов, которыми до XVIII в. жали зерновые культуры. В других работах этого же автора рассказывается о некоторых старых способах обработки земли: «К вопросу об обработке пашни на засеках» (1964, стр. 233—246), «Некоторые характерные черты подсечного земледелия в Гёчей» (1964, стр. 489—522), «Подсеки и инструменты подсеки в Эршеге и в области реки Верхней Рабы» (1966, стр. 12—48).

Интересное исследование представляет статья Т. Хоффмана о развитии тока в средневековой Венгрии «Ноггеш ток — сарай?» (1959, стр. 171—206). И. Мольнар дает описание старого способа молотбы ручным ценом в Трансильвании.

На страницах журнала публикуются также материалы о способах хранения зерна и различных типах зернохранилищ. Д. Надь описывает все виды зернохранилищ в окрестностях города Орошхазе (1963, стр. 84—104). К статье Н. Икван «Подземные зернохранилища в Венгрии» (1966, стр. 343—377) приложены даже карты распространения разных типов подземных зернохранилищ и маршрутов странствующих мастеров, строящих такие зернохранилища.

Несколько помещенных в журнале статей описывают технику выращивания характерных для сельского хозяйства венгров культур — стручкового перца, табака, капусты. Такова, например, работа И. Балинта «Выращивание стручкового перца в окрестностях города Сегеда» (1959, стр. 139—170), Л. Такача «Развитие табаководства в Венгрии во время крепостничества» (1959, стр. 207—251), И. Энеди «Значение капусты в жизни населения села Хайдухадхаз» (1962, стр. 404—429). Подробную характеристику овощеводства в городе Кечкемет дает М. Борощи в статье «Овощеводство на песчаной почве города Кечкемет» (1962, стр. 202—228). Автор описывает технику выращивания различных овощей; инструменты, применяемые при этом; технику срошения; рассказывает о торговле овощами. Он подчеркивает влияние на развитие

овощеводства в этом крае немецких садоводов, прибывших сюда во второй половине XIX в.

Богатое поле для исследования представляет венгерское виноделие и виноградарство, истоки которого восходят к античным и восточным традициям. Особенно следует отметить работу сотрудника научно-исследовательской группы по этнографии при Венгерской Академии наук И. Винце «Способы и средства изготовления вина в районе Хедькёз» (1960, стр. 1—25), в которой подробно описаны все местные инструменты по сбору и обработке винограда, способы изготовления вина.

Много места на страницах журнала отведено изучению одной из старейших отраслей сельского хозяйства венгров — животноводству. Тематика таких статей разнообразна: среди них есть материалы о быте пастухов (И. Балог, «Перепись пастухов области Сабольч в 1796 г.», 1959, стр. 219—312; Т. Себени, «Пастушество в области Чик», 1962, стр. 54—48; И. Тимаффи, «Западновенгерские пастушеские палки с бубенцами», 1963, стр. 161—177), о разных методах содержания скота (Я. Зольми, «Полтора века содержания скота в селе Черхатшурань», 1960, стр. 57—71; Э. Боржак, «Яловое стадо», 1964, стр. 555—577), наконец, о заготовке и хранении сена (Н. Иквяи. «Работа по заготовке сена и кормов в Земленском подгорье», 1962, стр. 26—50) и т. п.

Большая работа Э. Таркань-Сюча «Выжженные знаки собственности на животных в Венгрии» (1965, стр. 187—199, 359—410) посвящена анализу знаков собственности на животных и основана на исследовании большого архивного и полевого материала.

Такое обилие работ по различным отраслям сельского хозяйства венгров объясняется тем, что все эти темы должны быть отражены в подготавливаемом целым коллективом ученых венгерском этнографическом атласе.

Для атласа же собирается материал и по народной кулинарии венгров. Ш. Дёмётёр опубликовал с целью подготовки к составлению атласа статью о сладких лепешках, которые еще совсем недавно употребляли вместо хлеба население Задунайского края и Большой Венгерской равнины. Он подробно описывает рецепт их выпечки и прилагает к статье карту их распространения (1960, стр. 45—57). Анализируя рукописные поваренные книги XVI—XVIII вв., Ф. Шрам ставит вопрос о взаимовлиянии между народными и «господскими» блюдами («Рукописные поваренные книги XVI—XVIII в.», 1961, стр. 265—276 и «Рукописная поваренная книга К. Шимаа», 1964, стр. 578—598). Э. Кишбан дала обзор этнографической литературы о различных способах выпечки и сортах хлеба в Западной Европе. Большой научный интерес представляет статья профессора Дебреценского университета Б. Гунды «Растения, используемые для сывороточной закваски молока в Карпатах» (1967, стр. 161—175). В ней автор описывает особый способ закваски сыра у карпатских пастухов (венгров, румын).

Многие венгерские этнографы занимаются изучением истории венгерских народных ремесел. Из опубликованных в журнале по этой тематике работ особенного внимания заслуживает большая монография сотрудника Венгерского этнографического музея М. Крес по гончарству — «Гончары, кувшинщики и горшечники» (1960, стр. 297—377). Автор описывает гончарное ремесло по всей Венгрии, выделяет ряд гончарных центров, показывает распространение различных форм посуды в разных областях. К статье приложены карты. Об искусстве плетения различных изделий из соломы, рогажи и ивовых прутьев рассказывает на страницах журнала Ж. Чалого (1962, стр. 302—322).

Подробно излагаются венгерскими учеными и материалы по разным видам народного транспорта. И. Балог пишет о некоторых типах конской упряжи в Венгрии («Конные упряжки в городе Дебрецене в XVIII—XIX вв.», 1965, стр. 161—186), Ш. Бодо — о типе ярма в Хайдушэге (1966, стр. 538—635), Л. Тимаффи — о хомуте, который распространился в Венгрии сравнительно недавно и до прошлого столетия не был здесь вообще известен («Куметы на Малой Венгерской равнине», 1967, стр. 171—180).

Народное жилище — один из наиболее изученных разделов венгерской этнографии. Однако за последние годы в журнале было опубликовано только две статьи по этой теме. Профессор Будапештского технологического университета Л. Варга в статье «Современные исследования по венгерскому народному зодчеству» (1962, стр. 177—196) подводит итоги многолетнего исследования сельских домов в Венгрии и намечает задачи в этой области на будущее. Он обращает внимание читателей на необходимость бережного отношения к памятникам народного зодчества, говорит также о переносе наиболее ценных из них в создающиеся в Венгрии музеи под открытым небом. Описание сельских домов в Хайдушэге (Восточная Венгрия) дается в статье И. Данко (1964, стр. 58—94). Автор прослеживает историю развития средневенгерского типа дома гайдуков с момента их поселения в данной области (1606 г.) до начала XIX в.

Большую группу статей составляют работы ведущих венгерских этнографов и фольклористов по духовной культуре венгров, причем особенно много внимания уделяется описанию обычаев и обрядов, связанных с календарным циклом народных праздников. Ш. Дёмётёр сообщает об интересном обычае ставить на рождественский праздничный стол так называемый «хлеб Луци» — блюдо из проросших пшеничных

зерен. Автор считает этот обычай отголоском древних языческих времен. Интересный материал о веселых святочных гуляниях в Трансильвании (Румыния) дает Г. Вамсер («Данные к карнавальным обычаям в районе Чик», 1959, стр. 393—405). О карнавальном шествии на масленицу пишет А. Палади-Ковач в статье «Народный карнавальный обычай в районе города Эгер» (1968, стр. 241—251).

Очень интересна статья Ф. Шрама «Огонь в Иванов день» (1965, стр. 547—556). В Венгрии обычай зажигания костров в ночь накануне Иванова дня не столь широко распространен, как у соседних народов. Первое описание этого обычая относится к 1723 г. в области Комаром, хотя, по мнению автора, обряд существовал в некоторых областях страны гораздо раньше.

Об узорах раскрашенных пасхальных яиц, которые создавались в течение многих столетий и часто имели определенную символику, пишет Я. Золтаи в своей заметке «О раскрашенных пасхальных яйцах в Орманьшаге» (1962, стр. 454—458).

З. Уйвари (город Дебрецен) занимался исследованием роли отдельной личности в сохранении и развитии народных обычаев. На основе анализа обширного этнографического материала он в своей статье «Роль индивидуума в народном обычае» (1965, стр. 501—520) приходит к выводу, что сохранение и передача народных обычаев от поколения к поколению обеспечивают отдельные индивидуумы, они же часто создают и новые варианты старых обычаев. В некоторых статьях исследуются отдельные элементы того или иного обычая, а также символическое значение каких-либо предметов или цвета в обряде. Такова, например, статья И. Данко «Символика яблока в Венгрии» (1962, стр. 558—586) или статья Ж. Эрдели «Материалы и символика цвета в венгерской народной поэзии» (1961, стр. 173—199). Наконец, следует отметить в этом же разделе еще одну интересную статью — работу Ю. Габор «Кумовское блюдо» (1963, стр. 230—258). Автор анализирует здесь один из любопытных обычаев, распространенный преимущественно среди венгерских девушек — обмениваться так называемым кумовским блюдом при заключении дружбы. Эта церемония сопровождается песнями, мелодии и тексты которых приведены в статье. Автор сравнивает этот обычай с аналогичными обычаями у румын, белорусов, русских.

Две статьи рецензируемого журнала содержат материал по древним народным верованиям: А. Сендрен в статье «Вопрос о связи дней солнцестояния и магической защиты животных» (1959, стр. 313—343) говорит о некоторых приемах симпатической магии, применявшейся вплоть до недавнего времени населением в дни первого выгона скота на пастбища (в день св. Георгия, 24 апреля). Э. Почь в статье «Связывание и развязывание узла в венгерских народных верованиях» (1963, стр. 564—607) сообщает о магических действиях, суть которых заключалась в попытке путем симпатической магии воздействовать на злых духов и заставить их повиноваться человеку.

Самую многочисленную группу статей составляют исследования в области венгерского фольклора. Сюда относятся труды как по устному народному творчеству венгерского народа, так и по музыкальному фольклору.

В центре внимания таких известных венгерских фольклористов, как Д. Ортугаи, Ш. Эрдес и других стоят народные сказки, так как исследование их дает широкую возможность для многих сравнительно-исторических и типологических обобщений.

Некоторые статьи, опубликованные в журнале, посвящены анализу какого-то одного типа сказки. Так, Г. Кишиш («Венгерская редакция сказок типа № 301» (1959, стр. 253—268) разбирает варианты венгерских сказок о волшебной короле. Автор собрал 82 варианта этой сказки. Из аналогичных сказок других народов наиболее близки к этим вариантам сказки румын. Анализ другой венгерской сказки дает в статье «Венгерская редакция сказки типа *AaTh* 449x/A» Л. Дег. Исследуя все варианты сказки «Собака царя», она приходит к выводу, что данный тип сказки венгры заимствовали с Украины.

В целом ряде сказок секлеров в Трансильвании одну из главных ролей играет белый конь. В интересной заметке Д. Дяллан «Роль белого коня в преданиях секлеров» (1962, стр. 387—394) автор высказывает предположение, что в сказках этого типа сохраняется память о древнем тотеме секлеров — белом коне. Автор предполагает, что даже имя этой загадочной по своему происхождению группы происходит от тюркского слова *сююк* — *сеюк*, обозначающего коня.

Некоторые исследователи венгерской сказки большое внимание уделяют изучению репертуара отдельных сказочников и характера исполнения ими сказок. Так, об одном сказочнике из Трансильвании рассказывается в статье И. Фараго «Хавашский сказочник Миня Курчи» (1967, стр. 239—262). В статье ставится проблема бытования и рассказывания сказок среди двуязычного населения села. Ту же проблему затрагивает в своей статье «Проблемы двуязычного сказочничества» (1967) Ш. Домокош. Он приводит примеры того, как сказитель румынского села Мехкерек (область Бекеш в Венгрии) изменяет отдельные черты быта, характер героев в зависимости от того, на каком языке он рассказывает сказку — венгерском или румынском. На драматургических приемах исполнения сказок отдельными сказителями остановился в своей работе «Драматургия в исполнении сказки» (1964, стр. 521—556) И. Шандор.

Довольно много опубликовано в последние годы статей по изучению народных исторических преданий венгров. В них отражены наиболее важные события в истории страны.

Ш. Балнт исследовал исторические предания только в одной области — на юге страны. В статье «Из исторических преданий Сегедского края» (1963, стр. 38—83) он приводит много бытующих среди населения преданий и рассказов об исторических событиях и знаменитых исторических деятелях венгерского государства, начиная с древнейших времен Аттилы и Арпада и кончая событиями, случившимися в тяжкий период турецкого ига (XI—XII вв.).

Фольклорист И. Ференци на протяжении многих лет собирал предания и легенды о восстании Ф. Ракоци в XVIII в. Выдержку из его большой работы представляет опубликованная в «Ethnographia» в 1966 г. статья «История, устное предание, сказание», где он приводит тексты преданий, сохранившиеся у различных народов, принимавших участие в национально-освободительной борьбе под руководством Ракоци, — у румын, словаков, украинцев и венгров.

В рецензируемый период на страницах журнала была опубликована большая монография известного венгерского фольклориста Л. Вардяша по истории венгерской народной баллады («Исследования по истории народной баллады в средние века», 1960, стр. 163—274, 379—519; 1962, стр. 206—250). В этом большом исследовании автору удалось проследить бытование всех жанров баллад в Венгрии и пролить свет на историю, происхождение и развитие баллады. В первой части своей работы Л. Вардяш анализирует баллады, занесенные в страну переселенцами-валлоннами в XII—XIV вв., поселившимися в основном на севере Венгрии. Автор опубликовал 19 баллад французского происхождения с картой их распространения. Во второй части работы анализируются пережитки древней сибирской героической эпики в венгерских балладах.

В некоторых статьях исследуются только отдельные баллады или типы баллад. Так, Ш. Домокош в статье «Красавица Юлиана» (1959, стр. 13—60) исследует 51 вариант одной из баллад, бытовавших у венгров-секеев в Трансильвании, и делает вывод, что первоначальный ее текст был создан одним человеком. В том же номере журнала об этой же балладе пишет Н. Феттих, который прежде всего старается выявить в тексте баллады традиционные местные черты.

Ш. Эрдес изучал одну из новых баллад, сложенную в селе Пеннге, рассказывающую о трагической гибели девушек этого села, утонувших в реке в 1905 г. По предположению автора, здесь произошло возрождение и новое осмысление одной старой баллады, близкой по содержанию к происшедшей трагедии.

В ряде статей обсуждаются теоретические вопросы фольклористики, в частности происхождение и закономерность развития отдельных жанров. И. Криза, например, в статье «Роль сходных элементов в народной балладе» (1965, стр. 221—242) пытается проследить взаимосвязь между внутренним развитием баллады (которым управляют свои законы) и внешними влияниями. Д. Ортутан в напечатанных в журнале в 1965 г. тезисах доклада «Основные закономерности устного народного творчества» широко ставит вопрос о закономерностях развития отдельных жанров устного народного творчества и о роли отдельных индивидуумов и коллективов.

Скровища венгерской народной поэзии, собранные многими поколениями ученых, давно требуют строгой научной систематизации. Поэтому неудивительны и некоторые попытки разработать общий принцип каталогизации и систематизации жанров фольклора.

Одна из таких попыток представлена в работе В. Фойгта «Проблема каталогизации устных народных преданий» (1965, стр. 200—220). В работе И. Мона «Систематика и типология текста народных песен» (1959, стр. 563—578) проделана такая же работа по систематизации песен.

Венгерских фольклористов, как и ученых других стран, волнует будущая судьба народного творчества. Несколько лет назад в Венгрии была проведена дискуссия на эту тему, основные положения которой были изложены в сообщении М. Иштвановича (1965): Эта дискуссия продолжается и в наши дни. О большом значении фольклора, как неиссякаемого источника всех видов искусства, говорит Л. Петер в своей заметке «К вопросу о фольклоре» (1968, стр. 161—168).

Наряду с серьезными исследованиями в области устного народного творчества, в Венгрии не прекращаются работы по изучению музыкального фольклора, инициатором которых был известный венгерский композитор Золтан Кодай. На страницах рецензируемого журнала за последние десять лет появилось немало работ по народной музыке, особенно таких, которые связаны с изучением народной песни. Полный песенный репертуар одной деревни в Северной Венгрии приведен в опубликованных в журнале главах большой работы И. Борша «Мелизм и варьирование в песнях одной деревни в горах Матры» (1959, стр. 269—290). А. Лайош изучал архаические особенности мелодики песен в области Боршод. В его статье «Архаические особенности мелодики народных песен Северного Боршода» (1960, стр. 580—597) прослеживаются такие архаические особенности народной венгерской музыки, как пентатония, когда широко распространена в народных песнях. Исследование древней пентатонической гаммы проводится в работе Г. Люкё «Пентатоническая гамма» (1962, стр. 277—298). Автор утверждает, что пентатоническая гамма — самостоятельная и ни в коем случае не является сокращением какой-нибудь более широкой, например хоптатонической гаммы. Изучение этой гаммы очень важно и для выяснения некоторых вопросов этногенеза венгерского народа. По мнению Г. Люкё, для того чтобы установить законы пентатоники, необходимо провести исследование бытующей еще и сейчас на-

родной музыки маринцев и других родственных по языку и культуре венграм финно-угорских народов.

Б. Шароши в статье «Венгерская флейта» (1962, стр. 590—607) знакомит читателей с одним из видов народных музыкальных инструментов типа флейты, так называемым фуруя.

За рецензируемый период опубликованы две статьи по исследованию венгерских народных танцев. О. Сентпаль («Формальный анализ венгерских народных танцев», 1961, стр. 3—52) проанализировал 300 народных танцев, в том числе 36 хороводных танцев девушек. В приложениях к его статье приведены списки деревень, где были собраны танцы, а также примеры некоторых танцев, записанных с помощью специальных знаков. Старый венгерский танец с оружием описывает Б. Андрашфальви в статье «О венгерских танцах с оружием, напоминающих дуэль» (1963, стр. 58—81).

Венгерские исследователи занимаются не только изучением быта и культуры венгров, но также и этнографией национальных меньшинств, живущих в стране. Так, этнографические исследования ведутся среди немецкого населения. Статья И. Баннер и Д. Мештера «Народные традиции немцев села Элек (Южная Венгрия)» говорит о народных обычаях на масленицу у немцев, переселившихся в село в 1724—1734 гг. из окрестностей городов Бамберга и Вюрцбурга. С интересом читается статья О. Петерди об уровне жизни немцев-крепостных в селе Баконьпетерд в начале XIX в. (1965, стр. 341). Рождественские обычаи сербов, переселившихся с Балкан в окрестности Будапешта совсем недавно, описывает М. Кишш (1964, стр. 98—120). Э. Фюзеш исследует своеобразные хозяйственные постройки южнославянской этнической группы — шокцов. Часто встречающиеся у них амбары на полосьях сходны с такими же хозяйственными постройками румынских пастухов в Южной Трансильвании, переселившихся также с Балкан («Амбары на полосьях в Венгрии», 1964, стр. 1—35).

К сожалению, гораздо менее изучена одна из самых интересных и многочисленных этнических групп Венгрии — цыгане, письменные сведения о которых имеются уже в XV в. В 1961 г. умер крупный специалист по истории и этнографии цыган Венгрии Камилл Эрдеш (в 1962 г. в журнале опубликованы некролог и полная библиография его работ). После этого появилась лишь одна статья о цыганах-ремесленниках Ф. Богдала («Металлическое ремесленное производство у цыган области Боршод — Абадуй — Земплен», 1965, стр. 521—546).

В журнале «Ethnographia» печатаются работы и тех этнографов, которые занимаются этнографией различных стран мира. Многие из опубликованных статей имеют большой научный интерес хотя бы уже потому, что основаны на оригинальных полевых и архивных материалах. Так, статья Г. Мартина «Особенности эфиопских танцев и их основные типы» написана по результатам полевых работ венгерской экспедиции 1965 г. на территории северной и средней части Эфиопии. Был собран материал из 17 селений этой пестрой по своему национальному составу (свыше 70 народностей) страны.

Некоторый этнографический материал был собран во время поездки автора этого обзора на Памир в 1956 г. в составе Памирской археологической экспедиции. В журнале было опубликовано его сообщение «Этнографические наблюдения во время работ Памирской археологической экспедиции» (1962, стр. 103—125). Несколько заметок написано для журнала тем же автором после его поездки в Монгольскую Народную Республику в 1961—1964 гг. («Молочная водка, пут и скребло» — в 1967 г.; «Монгольский кузнец» — в 1965 г. и др.).

Ряд небольших заметок, обзоров и рецензий опубликован по кавказскому фольклору и этнографии М. Иштвановичем, который учился в Грузии в аспирантуре и не раз ездил туда в научные командировки. В 1960 г. им было написано для журнала небольшое сообщение «Грузинские верования и суеверные истории». В журнале напечатан также подробный отчет о годовой командировке профессора Б. Гунды к индейцам США (1967 г.).

Венгерские ученые активно участвуют и в разработке проблем общей этнографии. Значительный интерес представляет в этом отношении статья Я. Ланга по первобытным верованиям. На основе анализа и обобщения большой научной литературы им было написано исследование о тотемизме — «Основы и сложение тотемизма» (1963, стр. 376—400), где он излагает свою трактовку происхождения тотемизма. В статье «Понятие души у первобытных народов» (1964, стр. 419—431) тот же автор выступает с критикой теории анимизма Тэйлора. Тщательно исследовав обширный этнографический материал, он приходит к выводу, что источниками для возникновения понятия души послужили реальные явления: отражения в воде, тень, сновидения. Перу Я. Ланга принадлежит также исследование по первобытному праву — «Коллективное наследование права землепользования по женской линии у отсталых земледельческих народов» (1967, стр. 32).

Большое значение для развития этнографической науки имеют многолетние исследования венгерского этнографа В. Диосеги в области шаманизма. Некоторые результаты своих полевых работ и исследований он опубликовал на страницах рецензируемого журнала. Таковы, например, статьи «К вопросу о шаманской вере северо-восточных тувинцев» (1959, стр. 77—137) и «Следы самоедской культуры в шаманизме народностей Восточных Саян» (1963, стр. 434). В этих работах В. Диосеги высказывает мнение о том, что черты шаманизма у всех народностей Восточных

Саян были едины и что в древности они имели одну общую культуру, родственную с культурой самодийцев, бывших обитателей Восточных Саян.

Откликом на большую монографию В. Диосеги «Следы шаманской веры в венгерских народных верованиях» явилась статья археолога Д. Ласло, в которой он поставил под сомнение вопрос о том, были ли шаманы у древних венгров («О фигуре венгерского талтоша», 1959). О следах шаманизма у румын написал статью Г. Люкё («Шаманские элементы в румынских заговорах», 1961, стр. 112—132). Автор приходит к выводу, что некоторые черты шаманизма распространились у предков румын под влиянием азиатских этнических групп (кумазов и пр.).

На страницах журнала довольно часто публикуются работы иностранных авторов в венгерском переводе. Печатаются также статьи этнографов-венгров из Югославии, Румынии и Швеции.

Значительную часть каждого выпуска журнала занимают обзор этнографической литературы и рецензии. За 10 лет в журнале было опубликовано свыше 400 рецензий на книги и журналы, из них, естественно, преобладающее большинство на венгерские работы. Много рецензий написано и на работы советских этнографов. Советские издания рецензировали главным образом фольклористы М. Иштванович и И. Хеди, и поэтому, в связи с интересами самих рецензентов, среди рецензируемых советских работ преобладают общие работы по фольклору и труды по фольклору и этнографии кавказских народов.

Большое признание получили в Венгрии работы С. А. Токарева и Е. М. Мелетинского. На основе трудов последнего на страницах журнала в 1967 г. была проведена целая дискуссия о происхождении героического эпоса. Работам советских фольклористов посвящена специальная статья И. Кризы «Новые достижения исследований по русской балладе» (1964, стр. 437—450). В статье подробно излагаются взгляды В. Я. Проппа, Б. Н. Путнлова, В. М. Жирмунского и Д. Л. Балашова.

Венгерские этнографы, занимающиеся вопросами этногенеза венгерского народа и его восточноевропейскими и азиатскими связями, живо интересуются работами советских этнографов, особенно тех, которые изучают этнографию финно-угорских народов, родственных венграм по языку и отчасти по культуре. За последние годы установился тесный контакт между венгерскими и советскими учеными, что также нашло отражение на страницах рецензируемого журнала. В журнале неоднократно выступали советские авторы. В 1959 г., например, была опубликована статья В. Н. Чернецова «Западносибирские наскальные изображения». Откликом на эту работу явилась статья Г. Люкё, который нанес наскальные изображения, изданные В. Н. Чернецовым, на звездную карту и установил соотношения между этими изображениями и небесными телами. По мнению Г. Люкё, эти изображения были изготовлены в начале осеннего охотничьего периода во время жертвоприношений («Изображение мифа лосиной звезды на наскальных рисунках Урала», 1962, стр. 432—443).

Венгерские ученые всегда уделяли большое внимание изучению финно-угорских народов. Так, на страницах журнала появлялись статьи о первом венгерском путешественнике к хантам и манси А. Регули в 1843—1846 гг. (Я. Кодолани, «Памяти А. Регули», 1959) и о сравнительных финно-угорских исследованиях (Г. Люкё, Следы угорской тотемистической экзотами в венгерском фольклоре, 1965). В опубликованном на страницах журнала тексте доклада Д. Ортутаи на II Международном конгрессе финно-угроведения в Хельсинки в 1965 г. автор говорит о задачах сравнительной финно-угорской фольклористики. Третий выпуск журнала за 1967 г. и первый за 1968 г. почти целиком посвящены вопросам изучения культуры финно-угорских народов. Все эти вопросы скоро станут предметом обсуждения на предстоящем III Международном конгрессе финно-угроведения в Таллине (1970 г.).

Как видно из изложенного материала, на страницах журнала «Etnographia» за последние 10 лет было опубликовано большое количество интересных работ как выдающихся венгерских этнографов и фольклористов, так и молодых, начинающих авторов. Журнал дает объективную картину развития этнографической науки в Венгрии. Нам остается только поздравить главного редактора журнала Ласло К. Ковача, всю редколлегию и всех авторов со славной годовщиной, 80-летием журнала и пожелать им дальнейших творческих успехов.

И. Эрдели

НАРОДЫ СССР

В. И. Бру д н ы й. *Обряды вчера и сегодня*. М., 1968, 200 стр.

В книге В. И. Брудного «Обряды вчера и сегодня», вышедшей в издательстве «Наука», рассматриваются актуальные вопросы развития обрядности. Эта проблема получила в наши дни широкий общественный резонанс и привлекла внимание ученых ряда гуманитарных дисциплин. Исследованию обрядности как одной из форм общественного поведения человека посвящен ряд работ последних лет¹.

¹ См., напр.: П. П. Кампарс, Н. М. Закович, Советская гражданская обрядность, М., 1967; сб. «Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций», вып. I, Улан-Удэ, 1968.